

Полевой эксперимент

Зачем я уехал из мегаполиса в деревню

Андрей Рогозянский

Десять лет исполняется с той светлой минуты, когда после многих сомнений и переживаний мы с женой и детьми совершили дерзкий побег из Петербурга в деревню, на постоянное место жительства. Сегодня прошедшие годы выглядят как один день, а выбор кажется само собой разумеющимся. Даже не представить, что было бы с нами, останься мы в городе, — так много значил и изменил в нас порыв переустроить всё заново.

С улыбкой рассматриваем мы семейные фотографии тех лет и вспоминаем первые шаги и пробы на деревенской почве. Что ни говори, наш брат, горожанин, крепко «поставлен на тормоз»... Пригубливает парное молоко и морщится: коровий запах! Магазинное, из пакетов — это бело-мокрое и ничего больше. А в другой раз пойдет искупаться на речку, и — на тебе! — тина, водоросли, головастики по воде плавают. Фу-у... Срочно в Египет, к гостиничным бассейнам с кафельным дном и ласковой водичкой ярко-голубого цвета. Беда ли, что с химикатами, зато чисто и цивилизованно.

Любоваться прелестями пейзажа, известное дело, лучше, не выходя из салона автомобиля. Потому что чуть приоткроешь стекло — оводы роет. «Трава по пояс» тем более — сплошной триллер. Как подумаешь, что в ней, в этой траве может находиться...

И мы с нашими детками, конечно, на собственном опыте это прошли: майские жуки, мыши, крапива, собака соседская наглая, комариные укусы, коса не косит, до магазина далеко, печка дымит и не разжигается. Трудна и исполнена превратностей жизнь Робинзона на необитаемом острове...

Однако наша молодая семья активно прибавлялась, дети рождались один за другим, и ответственное родительское сознание требовало дать им всё самое лучшее, самое правильное и самое экологически чистое. Теплую половину года мы проводили у себя в деревенском доме, а на зиму возвращались в Петербург.

Прошло три года подобной кочевой жизни, и мы стали замечать, что отправки в деревню ждем, как соловей лета, тогда как осень и обратный переезд в город даются психологически тяжелее и тяжелее. Стесненные условия квартиры, слякотный климат, толчея в транспорте, постоянные детские болезни — не нужно много рассказывать о неудобствах, известных среднему обитателю мегаполиса, а в особенности обремененному семьей. «Низкие потолки и узкие стены душу и ум теснят», как писал Достоевский, тоже житель Петербурга.

Подобно мальчишке, который долго тянет перед тем, как в первый раз прыгнуть с высокого берега в воду, приседает, мотает руками и потом, закрыв глаза, летит стремглав вниз, — бултых! — так и мы с женой в один прекрасный день решили прогулять — была не была! — переезд и перезимовать в деревне. Оказалось, не так уж плохо. Первая наша зима выдалась суровее обычного, но в доме было тепло и уютно. Детки радовались снегу и катанию на санках, я на ту пору давно перешел на удаленную работу, — публицистика, редактирование и т. п. Супруга же, как молодой ученый, кандидат и доцент в перманентной беременности и отпуске по уходу, активно самообразовывалась посредством Интернета.

Карьера особо не привлекала, ибо за предыдущее время я кем только не был и чем



Священник, у которого мы просили благословения, с сомнением посмотрел на нас: «А выдержите? За лето в деревне рубаха на теле от рабочего пота созреет».

не взялись за распапку больших территорий и первую живность приобрели уже позже. Мы вообще не собирались перевоплощаться в крестьян, а продолжали жить вполне городскими интересами. Даже номер на машине долго не меняли, сохраняя, как знамя, гордое «78».

Проблемы были, скорее, другие: психологической совместимости, разницы ритмов столицы с глубинкой. Ну, и умений и навыков тоже не хватало, понятное дело. Тот, кто уехал из деревни в первом поколении, тоскует по своим местам. Навещая малую родину, он переживает прилив сил и чувство свободы, не насытится воздухом полей, сладостно вслушивается в говор местных жителей, с радостью принимаются за знакомую с детства работу. Мы же росли на асфальте, дышали бензиновыми выхлопами и, как

только не занимался. Интересных вещей в мире множество, организовать — вопрос самодисциплины, а исполнять обязанности белки в офисном колесе и при этом ощущать себя нужным и занятым, на мой личный взгляд и вкус тридцатипятилетнего неюноши с опытом, было не обязательно.

Сложно было на первых порах? Ох, сложно. Священник, у которого мы просили благословения, с сомнением посмотрел на нас: «А выдержите? За лето в деревне рубаха на теле от рабочего пота созреет». Но мы

водится, в руках молотка не держали. Деревня подобным гуманоидам не матушка, а настоящая баба-яга.

Особенно тяжело давалась монотонная работа: колка дров, прополка, вскапывание. Твое внутреннее «я» возмущается и требует креативности. Стоя на картофельнике, то и дело поглядываешь вперед и назад: а сколько же там у нас осталось и сколько сделано? Сделанное, как правило, прибавляется ме-е-дленно, остаток же упрямится и никак не хочет убывать... Но, пообвыкшись, ручной труд на земле начинаешь любить и, наоборот, к городским занятиям возвращаешься с неохотой.

Местные жители, в основном пожилые люди, встретили настороженно. Местному жителю — ему что нужно? Перво-наперво ему нужно понять, кто ты такой и что здесь делаешь, причем различить это на привычные для себя категории. Переезд из столицы в глубинку, прямо скажем, — не самый частый случай в наше время. Ежели бы отсюда в столицу, то было бы понятно... А так, городской, рожа хитрая, говорит не по-здешнему... Просто дурак или, не дай Бог, лихой человек?

Взаимопонимание наладилось, когда «городские» начали ходить помогать в церковь: читать, петь на клиросе. Тут уже всё встало на свои места: «псаломщик приехал», «псаломщицка жена», — коротко и ясно. Данная, прямо скажем, относительная социальная роль в глубинке довольно весомая, ибо в прошлом при церквях всегда были помощники — псаломщики, просфорники, черницы, — живущие особенной жизнью, по-своему включенные в жизнь округа и играющие в этой жизни необходимую роль.

У супруги затруднения, по большей части, были общечеловеческие, не переселенческие. Жизнь женщины по-другому, резко отграничи-



Вы начинаете чувствовать, что город вас отпустил, ощущается где-то далеко-далеко. Вы и ваши домашние становитесь людьми земли.

вадется рубежом «до детей» и «после рождения детей». Тем более когда младенцев на руках несколько, и конца-краю не видно пеленкам, горшкам и кормлениям. Сами собой в голову пролезают диверсантские мысли, что это — до гробовой доски, мозги засохнут, интересы и увлечения кончатся, и ничего в жизни больше просто уже не будет. Но дети растут и взрослеют, поэтому, как говорится, «первые десять лет тяжело, а потом отпускает».

На смену приходят воспитательные проблемы старшего возраста, и тем не менее рутина ухода за малышами не бесконечна. В сумме же мы убедились, что заниматься детьми в деревне удобней и легче, чем в городе.

Что самое скверное для детей в городе? Умножение сущностей! «Без нужды не умножай сущности», — гласит философская мудрость. Но сущностям философская мудрость, как говорится, «до лампочки». В большом городе сущности толкуются друг у друга на голове и одни другими погоняют. Вы не можете сделать «стоп-кадра», зафиксировать какой-нибудь отдельный момент из потока впечатления. Поэтому дети, совсем как взрослые, страдают гиперактивностью и дефицитом внимания. Гиперактивность и дефицит внимания — две вещи, которые делают современные воспитание и обучение кошмаром. Любой одаренный ребенок на кон курсе «Щелкунчик» или в передаче «Умники

и умницы» отличается двумя вещами: фундаментальным спокойствием и вниманием.

В деревне поток впечатлений невелик, а лишним сущностям неоткуда браться, разве только из телевизора и из глубины грешной души папы или мамы. Поэтому если вы без нужды не умножаете сущности, то дети в деревне: а) никогда не скучают (просто не догадываются о разнице между обычной жизнью и развлечениями), б) любят природу, в) много читают, г) слушают аудиокниги, д) не переносят эстрады, шансона и рэпа, е) играют в дочки-матери, эстафеты, снежные крепости и в остальные человеческие игры, ж) клеят, вырезают, рисуют и строят, з) поют военные песни и знают героев Великой Отечественной лучше, чем их родители, и) ставят театральные постановки и снимают их на видео, к) занимаются музыкой, л) говорят правильным русским языком, м) охотно участвуют в богослужениях, н) хорошо и самостоятельно учатся экстерном. Благо в эпоху Интернета и DVD деревня перестала быть местом, отделенным от культуры и знаний.

Можете задать вопрос: «А как же общение, досуг?» — и будете правы. Общения и разнообразия развлечений нашей семье не хватало и не хватало в Петербурге, где дружеские молодежные кампании как-то подрастерялись, угодив в полосу бытовых и личных проблем; недостает общения и в деревне. Разобщение — бич нашего мира и я, честно говоря, не знаю, что против этого сделать.

При этом посудите сами, какие увеселения, когда на руках у тебя погодки, мал мала меньше? Жизнь поневоле сама собой перестроилась и потекла по принципу «мой дом — моя крепость». И это правильно, это замечательно! Семья в жизни современного человека должно

быть больше, а не меньше. Людям несамостоятельным полезно начать полагаться лишь на себя. Людям, зависимым от стороннего мнения, полезно пожить без постороннего вмешательства и оценок. Молодым семьям легче состояться на какой-нибудь нестандартной почве, вне зрения свекровей и тещ. Как говорил захаровский Мюнхгаузен: «Каждый здравомыслящий человек просто обязан время от времени вытаскивать себя за волосы из болота».

Так называемые проблемы семейных отношений — от скуки, они легко разрешаются там, где увлечены общим делом. Поэтому семейный радикализм — это здорово! Домашние начинания forever! Хочешь быть счастливым — будь им. Устрой любые, какие хочешь, удовольствия в домашнем кругу, и ни в чем себе не отказывай. О-ле-оле-оле!..

Так понемногу социализированные горожанские мысли наши стали настраиваться на неформальную альтернативную «волну». Вот вы, читатель, куда придумаете направить переизбыток творческой энергии и домохозяйственной фантазии? Наверняка, купите новую обстановку в детскую, смените окна на пластиковые, ну в крайнем случае, запланируете переезд на новый адрес. В любом случае, это будет: 1) дорого, 2) не своими руками и 3) в рамках строгой «табели о рангах» городского благоустройства. В деревне, в своем личном хозяйстве ты можешь: 1) копать пруд, 2) резать наличники, 3) строить летний душ, 4) складывать красивые горки из камней, 5) ставить флажки и каждое утро поднимать флаг твоего семейства, 6) пробовать разводить самые необычные растения, 7) устраивать собственный детский городок, 8) проводить воду в дом, 9) стрелять по мишеням, 10) делать ветряк, 11) осваивать использование таких гениальных вещей, как мотобур, бетономешалка и снегоуборщик. И при этом никто и никогда не скажет про ваш пруд: «отстой», наличники и при отсутствии большого мастерства будут смотреться прекрасно, выловленные четыре карася примут на ура, не хуже норвежской семги, а нарисованный детворой флаг будет представлять собой предмет общей гордости и handmade в единственном экземпляре.

Деревенская усадьба — большой конструктор, а ты в ней сам себе мастер, начальник и пользователь. На первых порах страшно подумать о том, чтобы сделаться печником. Ан нет, в конце отопительного сезона в голове уже шевелятся и не дают покоя разные идеи: что и где в кладке печи стоит усовершенствовать и развить. Не хватает жилой площади — не беда, ставь пристройку к дому. Расшириться на пятнадцать квадратных метров не слишком сложно: время, желание и семьдесят тысяч рублей в придачу (иными словами, до пяти тысяч за «квадрат»). Для сравнения, в городе прибавка в одну лишнюю комнату потребует: а) головной боли, б) гипертонического криза, в) дюжины скандалов с родственниками и, наконец, г) долгожданного, в трудной борьбе завоеванного долгового ярма на многие годы.

В деревне ваш, с позволения сказать, «менталитет», наконец, меняется настолько, что жена в день рождения вместо какой-нибудь изящной вещи или домашней экипировки просит садовую тележку, а дети больше всего на свете мечтают кормить курочек с кроликами. «Отпуск» с поездкой куда-нибудь под пальмы выглядит вещью абсурдной: «Ну, куда мы поедем, да и зачем? А как же наши родные-дорогие хозяйство и клумбы?»

Наступает черед сельскохозяйственных тематических сообществ и восторга, почти детского, от разных хитрых копалок, сажалок, поллоков, кормилок, поилок и косилок. У вас появляется живность, ходить за картошкой в магазин представляется грустным, огурцами признаются лишь те, которые с грядки. Вы начинаете чувствовать, что город вас отпустил, ощущается где-то далеко-далеко. Вы и ваши домашние становитесь людьми земли. Будут ли вам предлагать карьеру, встанет ли с остротой тема образования, медицины и прочих удобных «опций» цивилизации — все возникающие вопросы будут решаться «в процессе», в порядке поступления. Главное — понимаешь, что эксперимент удался. В деревне ты рожден заново, здесь твое место, и отсюда исходит пуповина, прикрепляющая тебя ко вселенной. ♣.

Фото из архива автора

облачения
плащаницы
покровцы

СЕРВСКОЕ АТЕЛЬЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫШИВКИ

AXIOS

хоругви
церковная утварь

ВСЕ ИЗДЕЛИЯ ВЫПОЛНЕНЫ ИЗ ПЕРВОСОРТНЫХ МАТЕРИАЛОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РОСКОШНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫШИВКИ

С нашими изделиями Вы можете ознакомиться на сайте:
www.AKSIOS.rs

Представительство в РФ: г. Москва, Пятницкое шоссе, д. 5
на территории Храма Всемилошного Спаса в Митино | тел.: +7 916 663 69 19
Режим работы: Пн-Пт с 10.00 до 18.00

Дмитрий Соколов-Митрич

Новая деревенщина,

или Почему сбежать из города хочется, но не может

Представьте себе: в ваш большой, прекрасный, любимый город пришли какие-то сильно умные люди, и с их приходом жизнь стала медленно, но необратимо превращаться в дурной сон. Сначала они зачем-то взяли и закрыли все музеи, театры, библиотеки и даже концертные залы. Затем они отобрали у всех обыкновенных людей их бизнес, согнали в одну большую компанию по производству всего и сказали: «Вот здесь работайте».

Потом эти странные люди еще немного подумали, снова собрали обыкновенных людей и сказали: «Значит так. Мы тут построили для вас большие воздушные коммуны, они держатся в воздухе на огромных дирижаблях, там есть все, что нужно для жизни. Это гораздо удобней и перспективней, чем жить в дурацких, отсталых наземных городах. В воздухе больше, чем на плоскости, помещается народу. Там меньше сила притяжения, это полезно для здоровья. Там всегда будет чисто, потому что мусор мы будем просто сбрасывать вниз. Там будет вечное лето и вечный день, потому что в воздухе нет границ, можно перемещаться вслед за солнцем. Туда, наверх мы не пустим чужих людей, мы больше можем их не бояться, они нас не достанут. Короче, будущее человечества будет иметь ярко выраженный воздушный характер, а здесь, внизу скоро просто никого не останется».

Некоторые обыкновенные люди из упрямства все-таки остались жить внизу, но в некогда процветающих наземных городах жизнь и правда стала быстро деградировать: дороги потрескались, электричество кончилось, много криминала. Первое поколение еще как-то продержалось, но их дети и внуки сами стали стремиться наверх. Очень скоро на земле остались лишь старики, алкоголики и редкие героические личности.

Бред? Может, и бред. Но примерно так выглядит краткое содержание XX века.

Только не для жителей городов, а для жителей русской деревни. На протяжении всего этого времени их привычный мир, их уютную вселенную мучительно разрушали, рубили по частям, как хвост собаке. Приходили какие-то странные люди с наганами и пулеметами, вели себя как отъявленные марсиане, грубо насиловали естественный ход вещей, усложняли простое и упрощали сложное. Закрывали церкви, отбирали скотину, сгоняли всех в огромные и неудобные колхозы. Затем стали укрупнять деревни, оторвали людей от земли и запихали в поселки городского типа, а кто не поместился — поехал в город и обогатил русский язык новым словом «лимита». Меньшинство все-таки осталось на земле, притерпелось к неудобным колхозам, но тут странные умные люди и их закрыли. Теперь вот оптимизируют школы, больницы, а по сути — проводят второе укрепление того, что со времен хрущевского укрупнения успело измельчать.

Я еще помню пятиэтажные дворы, по которым ходили мужики с гармошками, каждая лавочка была завалинкой, картошку сушили на детских площадках, а если две тетki поругаются — крик стоял на весь микрорайон. Деревенская жизнь мучительно пыталась влезть в шкуру городской. Кое-как получилось, но ценой адской боли, которую даже фильм «Афоня» описать не в состоянии. Эта психотравма сидит в каждом из нас.

Вообще-то я оптимист, стараюсь цепляться за любую возможность счастливого продолжения, но тут, если честно, цепляться не за что. Когда профессиональные пессимисты говорят: «Деревня умерла», они не правы только в формулировке: умерла не деревня, умерла традиционная сельская жизнь. Но люди на земле жить не перестанут. Их даже

станет больше. Только это будут уже немножко другие люди.

Почему мы веками жили на земле? Потому что она была для человека главным средством производства и единственным работодателем. Наши предки выращивали пшеницу, картошку, лен, растили на пастбищах скот, рубили в лесу дрова, ловили в реках рыбу — все это им давала земля. Излишки мы продавали на ярмарке, чтобы отдать в казну налог и купить кое-каких продуктов примитивного пока еще ремесленничества. Но потом экономика усложнялась, усложнялась и доусложнялась до того, что появились трактора, комбайны, лесовозы, тралы — все эти чудовища стали отнимать работу у крестьян. При всем неуважении к марсианам, процесс урбанизации страны был неизбежен. В той или иной форме на протяжении XX века он происходил по всей планете, и трагедия русского крестьянства, по сравнению, например, с трагедией крестьянства бразильского или мексиканского — еще не самый худший вариант.

Дальше больше. Появились такие комбайны, которые могут обрабатывать тысячи гектаров в день вообще без участия человека. Они гуляют сами, по GPS'у и в нас нуждаются лишь в случае поломки. С такой производительностью этой бешеной технике не нужна постоянная прописка: она кочует по стране по предварительной записи и обслуживает мелких и средних фермеров. Крупные хозяйства, которые владеют этой техникой, постепенно прибирают к рукам мелкие и средние. В результате на всю страну мы скоро будем иметь несколько сотен гигантских агрофирм, которым нужны многие тысячи человек, но никак не миллионы. Из прежнего крестьянства на земле останутся лишь высококвалифицированные специалисты, бюджетники, пенсионеры и алкоголики. Хотя нет: алкоголики-то как раз городские, бескорыстные и добровольные жертвы черных риелтеров.

Но проклятая экономика — она развивается дальше. И почти доразвивалась до того, что теперь уже мегаполисы становятся формой жизни, не очень-то соответствующей новой экономической реальности. Города стали слишком дорогими, это сказывается на стоимости рабочей силы. Города стали постоянным источником проблем — социальных, межнациональных, экологических. Обслуживание городов с их постоянно усложняющейся инфраструктурой становится все более затратным. В результате сейчас мы наблюдаем начало процесса, который, скорее всего, займет весь XXI век — это кризис урбанизации и формирование новой формации людей, которую я бы назвал «постиндустриальным крестьянством».

Чем, в сущности, отличается дед, который посадил репку и потом вытянул ее при

Люди на земле жить не перестанут. Их даже станет больше. Только это будут уже немножко другие люди.

Xylocopa latipes

помощи бабки, дочки, жучки и мышки — от того же компьютерного дизайнера, который сидит за своим компом и при помощи той же мышки создает на экране макет продукта для 3D-принтера? Да ничем. Это пролетарию, чтобы создать УАЗ «Патриот», нужен построенный эксплуататором конвейер и еще пара сотен таких же пролетариев за тем же самым конвейером. А у дедки, бабки и компьютерного дизайнера нет никаких посредников между их рабочими руками и созданным продуктом. И тогда возникает законный вопрос: а на фиг вообще этому человеку торчать в городе, дышать гарью и платить за квартиру 30 тысяч рублей в месяц?

Самые передовые и сознательные представители нарождающегося постиндустриального крестьянства, собственно говоря, уже давно в городах не торчат. Опыт моих велосипедных путешествий по Европе говорит о том, что в той же Германии или Ирландии на каждого сельского жителя, который ковыряется в земле, приходится несколько сельских жителей, которые ковыряются в клавиатуре: программируют, торгуют на бирже, пишут тексты, фотографируют в собственной студии рекламу — список профессий, не привязанных к мегаполису, расширяется с каждым годом. Надо сказать, что в плотно обустро-

енной Европе процесс разурбанизации почти не требует теперь со стороны государства специальных вложений: здесь уже есть хорошие дороги, скоростные поезда, здесь даже те, кому каждый день нужно на работу, часто живут в 100 км от своего предприятия. Так что детям и внукам этих людей теперь вообще не нужно куда мигрировать. Они просто все реже садятся на машину или скоростной поезд, чтобы приехать на свое рабочее место. Они просто остаются дома. Их рабочее место теперь здесь.

У нас постиндустриальных крестьян тоже хватает, и они уже давно потянулись в сельскую местность. Пришибленных программистов, биржевых игроков и даже востребованных гуманитариев там теперь хватает. Есть даже целые колонии, обжитые по профессиональному признаку, в пору названия деревням менять: были Кузнецы, стали Интроверты. И это уже не дауншифтинг, эти люди сбежали из города не для того, чтобы бамбук курить или играть в деревенскую пасторальную мечту. Я вообще не верю в этих вот гламурных фермеров, перекованных из менеджеров по продажам. Работа на земле — тяжелый труд, который быстро надоедает, если ты с этим не родился. Но постиндустриальные крестьяне — они тем и отличаются от дауншифтеров, что приехали на землю, чтобы на ней жить и работать. Точно так же, как крестьяне обыкновенные. Только специализация другая, поэтому земля им нужна не под пашню, а под газон.

Но, к сожалению, государство за этим процессом не поспевает. У нас пока мало хороших дорог, скоростных поездов, у нас низкий уровень газификации и совершенно загублена сельская социалка. Даже если ты живешь в 300 км от мегаполиса, сгонять раз в неделю на деловые переговоры или на встречу одноклассников — это дело целого дня, а то и двух. А что делать с детьми? Ну, хорошо, без детского сада, если ты живешь на земле, можно обойтись. А без хорошей школы?

Поэтому наше первое поколение постиндустриальных крестьян — это либо люди одинокие, либо молодые и еще пока бездетные семьи, либо группы единомышленников, которые совмещают обычную мещанскую жизнь с каким-нибудь идеологическим проектом. Либо... Да, к сожалению, многие из этих людей и вовсе едут крестьянствовать за границу. Если собственная страна не лучшим образом обустроена, то почему бы не рисовать свою репку в какой-нибудь чужой провинции у моря?

Экономя на развитии сельской инфраструктуры, мы теряем не только людей, но и, как ни странно, деньги. Ведь человек городской сегодня обходится гораздо

дороже, чем деревенский. Обустройство современных мегаполисов в соответствии с потребностями XXI века — это бездонная статья расходов, сизифов труд. Вот один лишь пример. Государственные затраты на строительство Четвертого транспортного кольца в Москве — с выкупом земель, сносом зданий, перекладкой коммуникаций и прочим ужасом — это цифра того же порядка, что и госинвестиции в скоростную железнодорожную ветку Москва — Казань. Что даст ЧТК Москве? Так, небольшую транспортную передышку. А дорога Москва — Казань — это мощный импульс переселению людей в сельскую местность. Почему бы не жить и не работать где-нибудь под Гороховцом, если оттуда до Курского вокзала — полтора-два часа комфортной езды? А почему бы зажиточному постиндустриальному крестьянину не податься куда-нибудь под Бологое? Ведь это удобно! Два часа до одной столицы, два часа до другой. Тут теперь даже «Сапсаны» ходят, а скоро еще и скоростной асфальт положат. На пространстве между Питером и Москвой можно создать огромный сельский мегаполис для тех, кто готов жить и работать на столичный бизнес, но жить при этом в деревне. Что мешает? Да так, самая малость. Выжженные за последние 20 лет сельское школьное образование, медицина, культурная жизнь. Негде учиться, негде лечиться, а из признаков цивилизации на многие десятки километров — лишь элитные охотхозяйства, яхт-клубы для своих и дачные дворцы изнывающих городских марсиан. ♣

Человек городской сегодня обходится гораздо дороже, чем деревенский. Обустройство современных мегаполисов в соответствии с потребностями XXI века — это бездонная статья расходов, сизифов труд.

*Pieris
Crataegi*



Giusto Manetti Battiloro s.p.a.
Made in Italy
Фабрика основана в 1820 году



Продажа сусального золота

ООО «Манетти-М» представляет лучшего европейского производителя **Giusto Manetti Battiloro**

Прекрасное соотношение качества и цены

Прямые поставки сусального золота из Италии (Флоренция)

Товар соответствует требованиям ТУ и ГОСТ

Полный пакет документов и сертификатов



ООО «Манетти-М» ИНН: 7710651730

125009, г. Москва, переулок Столешников д. 6 стр. 3 офис 103

тел./факс: (495) 644-24-06, 8-906-056-1040 Зорница
e-mail: manetti-m@mail.ru, www.manetti-m.ru

пн. – пт. с 10.00 до 19.00, перерыв с 13.00 до 14.00